

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
Пролог	11
1 Мы крутые!	18
2 День.	82
3 Потлач	121
4 Модельный трафик.	184
5 Кто управляет девушками?	258
6 Начинаем с низов.	358
7 Заключение	396
Приложение	413
Библиография	421
Примечания.	442

ПРОЛОГ

Было пять часов вечера, когда я, вспотевшая от послеобеденного зноя и искусанная комарами, проснулась в гостевом домике на частной вилле на острове Стар-Айленд в Майами. С тех пор как три дня назад я приехала сюда, на *Ultra*, знаменитый фестиваль электронной музыки, вслед за Сантосом, двадцатилетним промоутером, я успела окунуться в круговорот вечеринок, которые перетекали из клуба в клуб, оттуда в пентхаус к Пи Дидди, а оттуда на утренние вечеринки у бассейна. И вот, Сантос, у которого на четвертый день бесконечных тусовок иссякли приглашения на афтерпати, подключил колонки у нас на вилле. К полудню грохот электронной музыки наконец-то угас, а может, я просто заснула где-то примерно в это время.

На самом деле это не наша вилла, она сдается в аренду за пятьдесят тысяч долларов за выходные. В этот раз ее сняла компания молодых ребят, чьи карманы, благодаря хорошей работе в ипотечном отделе банка Южной Калифорнии, были набиты наличкой. Агент по недвижимости пригласил Сантоса и «его девочек», в основном только моделей, пожить на этой вилле, пока там будут греметь тусовки. Банкиры были невероятно воодушевлены тем фактом, что куча моделей будут спать в их гостевом домике. Модели стали настолько неотъемлемой частью

всех мировых VIP-тусовок, что в английском языке даже появилось выражение, которым принято описывать такие вечеринки: *models and bottles*, то есть: «модели и бутылки». В обязанности Сантоса в качестве промоутера в основном входила *поставка* моделей на эксклюзивные вечеринки, часто уходящие в ночь и даже, как я потом узнала, иногда перетекающие на следующий день.

Я осторожно переступала между двумя кроватями в своей небольшой душевой комнате, маневрируя между платьями, туфлями на высоких каблуках и прочим содержанием чемодана, чтобы найти в сумочке *Chanel* холодный брекфаст ролл из Макдака, который я в спешке приобрела сколько-то часов назад в перерыве между вечеринками. Затем я взяла свой завтрак, ноутбук и пошла к бассейну. Вокруг не было ни банкиров, ни Сантоса, ни его моделей, только на ухоженной лужайке между пальмами валялись пустые бутылки от пива и шампанского.

Было тихо, ну если не брать в расчет звон в ушах, который всегда появлялся после долгих вечеринок. Перекричать клубную музыку, когда тебе надо поддерживать разговор, удается редко. Чтобы услышать кого-то сквозь шум в семьдесят две тысячи ватт, надо нажать пальцем на выступающую часть хряща в ухе. Под давлением она заглушает фоновый шум и помогает сфокусироваться на голосовых вибрациях собеседника, отправляя их прямо в мозг.

Именно благодаря этому трюку я смогла вчера понять Сантоса, когда он, прорываясь сквозь лучшие моменты вчерашнего вечера в ожидании, пока нам принесут ящик шампанского, пододвинулся ко мне и, нажав на ухо, сказал: «Здесь невероятно! Я же говорил тебе! Я хожу на лучшие вечеринки этого мира!»

Тусовки с Сантосом действительно дарили необыкновенный опыт: экстравагантные вечеринки, шикар-

ные модели, чьи идеальные тела выгодно подсвечивали фейерверки, являющиеся неотъемлемой частью дорогого шампанского, которое подавали гостям подобных мероприятий. В какой-то момент вчерашнего вечера один богатый мужик заказал нам всем шампанское, так что каждый из нас пил из своей личной бутылки *Dom Pérignon*. Вместо бокалов по всему столу были разбросаны наши туфли, а мы танцевали босиком прямо на диванах. Это были незабываемые несколько часов в компании Сантоса, других девчонок и промоутеров. И все мы были частью эксклюзивного мира красоты и денег, представленного здесь в избытке и напоказ.

Я приехала в Майами в марте 2012 года, в самый разгар тусовочного сезона. К тому моменту экономика США еще не успела восстановиться после краха 2008 года, большая часть средств уходила к богачам, которые и так меньше всех пострадали от кризиса. Хотя со стороны казалось, что шампанское у них текло рекой и во время кризиса. В общем, я присоединилась к тусовкам *очень важных людей*, чтобы понять, что же они делают со своими огромными и постоянно растущими доходами и что они думают о постоянном расточительстве — уникальном феномене, который казался диким и безумно бесил всех, кто не принадлежал к их кругу. В период с 2011 по 2013 год я наблюдала за удивительным культовым ритуалом траты денег в элитных клубах. Ритуал непростой, но все же регулярно повторяющийся по всему миру, от Хэмптона до Сен-Тропе. А ведь для того, чтобы людям стал доступен такой невероятный отдых, необходимо и огромное количество труда. И этот труд активно поддерживает гендерную экономику, где ценность женских тел противопоставляется мужским деньгам. Длинные ряды бутылок с шампанским современным экономистам

могут показаться иррациональным явлением. А вот социолог-экономист примет их за определенные ритуальные действия, находящиеся в самом сердце иерархической системы престижа и мужского доминирования. Благодаря прописанному по жесткому сценарию и исключительно гендерному труду внутри VIP-мира, абсурдность невероятного богатства стала абсолютно нормальным явлением. А при правильной подаче оно считается выдающимся и почетным.

В этот мир я попала потому, что все еще могла сойти за «девушку», хотя на момент нашей встречи с Сантосом мне уже был тридцать один год, а его обычно окружали девчонки от восемнадцати до двадцати пяти лет. Я выглядела намного моложе своего возраста и благодаря модельному прошлому могла сойти за *вполне себе* симпатичную девушку. Правда, я часто казалась более серьезной и рассудительной, чем другие, и, как следствие, менее привлекательной, о чем Сантос иногда напоминал мне. Например, когда просил переодеть мои удобные босоножки на танкетке на сексуальные туфли на шпильках.

Однако была еще одна причина, по которой промоутеры, вроде Сантоса, разрешали мне посещать их эксклюзивные тусовки. Мысль, что человек, у кого есть докторская степень и который преподает в университете, хочет чему-то научиться у них, кружила им голову. Когда я впервые встретила Сантоса на одном ужине в Нью-Йорке, я вкратце рассказала ему о своем проекте — исследовании на тему потребления, гендера и торговли. Он перебил меня, быстро тараторя с сильным колумбийским акцентом, и сказал: «То, что мы делаем, это психология. Это психология, потому что мы работаем с людьми». Он продолжил, объясняя мне, что его главный страх

в работе — когда девушки в последний момент решают остаться дома и никуда не ходить. Тем самым они ужасно его подводят. А еще, постоянный риск, по его словам, заключается в том, что ты можешь остаться один на своей вечеринке.

Сантос был полон бравады и постоянно хвастался своим статусом в этом элитном обществе. «Я лучший! Самый топ. Спроси любого. Весь мир знает, кто я такой, потому что достаточно один раз в одном городе закатить офигенную вечеринку, и все хотят тебя к себе. Они все меня знают».

В тот вечер я вернулась домой, и меня не покидало ощущение, что он давно ждал, когда кто-то придет изучать его мир. Сантос был латиноамериканцем, из бедной семьи, его предки были родом откуда-то из Центральной Америки. Историю своего подъема среди мировой элиты он считал выдающейся и свято верил, что стать супербогатым, как его клиенты, было предначертано ему судьбой. Вскоре после той встречи он показал мне список предстоящих летних тусовок в Париже, Милане, Сен-Тропе, Каннах и на Ибнице. «Они хотят меня везде. Это топ, ТОП-уровень. И я буду везде, и это офигенно».

Так я согласилась поехать с ним и еще тремя девушками — Сантос всегда называл нас «мои девочки» — на тусовку в Майами, где мы остановились в гостевом домике с тремя спальнями на вилле под названием *Star Island Villa*. Водитель такси, который забирал нас в аэропорту, сказал, что Стар-Айленд — это самый модный район в городе; место, где живут все звезды и богачи. Возможно, гостевой домик был очень уютным, но в эти выходные из-за огромного количества девчонок и постоянных вечеринок он превратился в полный хаос. Аренда нашей виллы в неделю обходилась в семьдесят тысяч дол-

ларов, но из-за проходившего на выходных фестиваля банкирам пришлось заплатить за нее намного больше.

Ханна, которая совмещала модельную работу и работу администратором в *Abercrombie*, а также была частью команды Сантоса, просто обалдела, когда услышала, что за выходные на вилле банкиры отдали пятьдесят тысяч долларов: «Зачем? Какой в этом смысл?»

У банкиров не было внятного объяснения. Их было четверо, они часто прилетали в Майами по работе вместе со своим боссом Джорджем, который и основал их ипотечный банк. Мы виделись с Джорджем и его коллегами на тусовках в клубах, где он как-то признался, что за столик обходится ему в тридцать тысяч долларов за вечер:

— Только я тебе этого не говорил, ладно? Не хочу быть тем парнем, который много болтает.

— Тридцать тысяч долларов? Это очень много, — сказала я. — А что входит в эту стоимость?

— Лучшая ночь в твоей жизни, — ответил он, саркастически ухмыльнувшись. — Ну ладно, не совсем лучшая ночь в твоей жизни, но немного шампанского и водки за эти деньги тебе гарантировано.

На самом деле алкоголь стоит значительно дешевле, и Джордж это прекрасно знает, но клуб делает наценку в тысячу процентов. Потому что это незабываемое время и опыт, который и Джордж, и Сантос, и все девушки ищут в этих ночах.

— Поедешь с нами, сама поймешь, — сказал Сантос про VIP-мир.

Вообще он частенько это повторял перед поездкой. И когда я приехала в первый пункт назначения нашего тура, который в итоге затянулся на восемнадцать месяцев элитных мировых тусовок от Нью-Йорка до Майами, от Хэмптона до Французской Ривьеры, я попала в ту самую

запутанную гендерную экономику красоты, статуса и денег, которые Сантос и подобные ему промоутеры собирали, будто пазл по кусочкам, дни и ночи напролет.

И вот я со звоном в ушах сижу и печатаю заметки о прошлой ночи, размышляя о том, какие смешанные эмоции возникают у меня внутри. Потому что, с одной стороны, я наслаждаюсь доступом к эксклюзивному миру богатых и красивых, а с другой стороны — этот мир вызывает у меня отвращение. Оранжевое послеобеденное солнце почти зашло за пальмы. Скоро Сантос и девушки проснутся — и снова надо будет собираться на очередную тусовку.

1

Мы крутые!

Воскресенье, 23:30, Нью-Йорк

Большинство людей думают, что хвастаться легко. Жизнь Дре была доказательством того, как много труда уходит на то, чтобы научить людей хвастаться.

Была почти полночь, люди за столиком Дре заканчивали свой ужин в изысканном ресторане *The Downtown*, в Сохо. По обе стороны от Дре сидели как минимум полдюжины красивых девушек. Красивые в модельном понимании этого слова: молодые, высокие, с идеальными чертами лица, стильной одеждой и туфлями на высоких каблуках; можно было подумать, что в ресторан они попали сразу с подиума. Отвести взгляд, когда такие девушки входят в комнату, невозможно.

The Downtown очень красивый ресторан, особенно в воскресенье вечером. Богатый декор: роскошно обитая мебель, бар из дорогих пород красного дерева, огромный канделябр, стены, украшенные фотографиями знаменитых фотографов. Музыка там не играет, зато стоит гул голосов, разговаривающих на разных европейских языках, перемежающийся со смехом и звоном бокалов,

которые сиюминутно пополняются внимательными итальянскими официантами. За каждым столиком сидит богатый мужчина: селебрити, аристократ, светский лев, знаменитый актер, музыкант, продюсер, предприниматель или банкир — и каждый из них ужинает в компании красивых девушек.

Посередине находится столик Дре. Сам он в центре внимания: поддерживает беседу, разливает *Bellini*, передает гостям тарелки с пастой. Что бы он ни делал, он постоянно сканирует зал, следя за тем, кто обращает на него внимание, периодически Дре, любезно улыбаясь и подмигивая, приветствует проходящих мимо знакомых то на французском, то на английском языках, целуя их по два раза в каждую щеку.

Дре — темнокожий мужчина, ему тридцать восемь лет, у него роскошная улыбка и почти полностью бритая голова. На нем кожаные штаны, кипенно-белая футболка и новая классная пара кроссовок от *Adidas*, естественно, *limited edition*. Довольно простой, зато дорогой лук в стиле «рок-н-ролл шик». В зале он единственный темнокожий, что позволяет ему добродушно подшучивать над белыми ребятами. И даже несмотря на то что он очаровал почти весь ресторан, Дре не забывает уделять внимание и девушкам за своим столиком. Он флиртует с ними и нежно прижимает к себе любую, кто в этот вечер попадает ему под руку. Кстати, в ближайшие несколько месяцев я буду одной из них.

— Я люблю работу промоутера, взгляни на всех этих красоток, которыми я окружен, — говорит он. — И некоторым из них я нравлюсь, что иногда создает определенные проблемы. — И он подмигнул девушке, которая сидела напротив. В ответ она ухмыльнулась и встряхнула головой.

Дре обожает внимание. Вот уже шесть лет по воскресеньям вечером он собирает девушек в этом ресторане. До этого он несколько лет проработал в клубах, начав свою карьеру где-то на заре девяностых годов. В мире тусовок Дре известен как имиджевый промоутер. Это значит, что он фрилансер, которого многочисленные клубы и рестораны нанимают по контракту. Одна из его задач — приводить в клуб *достойных людей*, например, привлекательных девушек, богатых мужчин, звезд шоу-бизнеса и людей со связями. Идея в том, что присутствие в заведении такой публики существенно повышает его репутацию, что также должно привлечь других богатых клиентов и их деньги. Каждое воскресенье управляющий *The Downtown* выдает Дре приятное вознаграждение — от тысячи двухсот до четырех с половиной тысяч долларов, то есть за пять часов своей работы он получает двадцать пять процентов от той суммы, которую его гости потратили в ресторане.

Промоутер — это достаточно спорная профессия. Промоутеров часто критикуют, называя сутенерами и торговцами моделями — новоиспеченные и низкооплачиваемые модели, также известные как «девушки», являются для них легкой мишенью¹. Иногда их называют *PRs* (сокращение от английского *PRomoter*). Их деятельность осуждают все модельные агентства, и каждые несколько лет они оказываются в центре громких скандалов в прессе². Неприятная действительность состоит в том, что они выступают посредниками в прибыльном круговороте женщин и алкоголя среди богатых мужчин. Дре знает, что его работа считается недостойной уважения, но она приносит ему хорошие деньги. В год он зарабатывает более двухсот тысяч долларов. Но даже несмотря на то что его заработок можно было счи-

тать несущественным, по сравнению с доходами богатых мужчин, окружавших его каждый вечер, Дре был уверен, что скоро все изменится. Работая среди новой мировой элиты, он свято верил, что однажды станет одним из них.

— Ça va? — обратился он по-французски к проходящему мимо джентльмену в дорогом костюме. Дре встал, чтобы пожать ему руку, после они немного поболтали, а садясь обратно, он прошептал мне на ухо: — Этот парень из Саудовской Аравии. *Миллиардер*.

Как бы между делом он подмигнул женщине у бара, которая предположительно была принцессой небольшого государства, знаменитого офшорными банками. Еще один мужчина подошел к нашему столику, и Дре снова зашептал мне в ухо: «Он очень богат, как и вся его семья. Очень-очень богат». Он по-дружески ударил его по плечу, и они стукнулись кулаками в качестве приветствия.

— Моя подруга интересовалась, будут ли сегодня красавчики, — сказал Дре и, выдержав тщательно спланированную паузу, продолжил: — Увидев, как ты вошел, я сказал, что будут!

В мире Дре эти люди и были элитой.

— Но это даже не один процент, — сказал он мне. — Это только одна десятитысячная процента тех людей, которых я хочу видеть вокруг себя.

А вот окружающим Дре девушкам (ну, впрочем, как и мне) совсем не нужно *быть* богатыми, нужно лишь *выглядеть* как богатые — роскошно и презентабельно. И слава богу, потому что едва ли кто-то из нас мог позволить себе оплатить счет за ужин в подобном заведении. Коктейли, тарелки с пастой, свежими овощами и салатами, рыбой и стейками, и вот уже в ход пошли десерты

и эспрессо; и никто ни разу не взглянул на цену. Но я успела быстро заглянуть в меню — один коктейль в ресторане *The Downtown* стоит около двадцати долларов, а салат со свеклой и козым сыром — двадцать четыре. За восемнадцать месяцев, в течение которых я изучала мир VIP-тусовок, я ужинала здесь миллион раз и ни разу ни за что не заплатила.

Я была одной из «девочек», так что все наши блюда и напитки были включены в стоимость нашего пребывания в ресторане; бесконечные тарелки и бокалы были «комплиментом за счет заведения». Чтобы прием и обслуживание гостей Дре был на высшем уровне, официанты получали чаевые в размере двадцати пяти процентов от счета. В итоге каждый воскресный вечер обходился ресторану *The Downtown* более чем в тысячу долларов за комфортное пребывание нашей компании. Несмотря на затраты, наше присутствие было выгодно ресторану *The Downtown*, а также мужчинам, которые здесь ужинали, и самому Дре.

Дре обычно приглашал либо девушек, находящихся в самом начале своей модельной карьеры, либо студентов, либо тех, кто искал работу в разнообразных сферах, от дизайна до финансов. Главным критерием, который давал тебе право сесть рядом с Дре, была красота. Ну и как бы в подтверждение этого сегодня днем он прислал мне два игривых сообщения: «Оденься так, чтобы произвести впечатление на Эша» и через пару минут: «Шпильки».

Хотя, может, сообщения и не были игривыми. Он всегда был щедр на комплименты, если девушка хорошо выглядела, и невероятно холоден, если нет. Он спокойно мог повернуться спиной к той, чей образ не соответствовал его стандартам. Правда, исключительно при условии,

что она не была богатой или знаменитой. Однажды он сказал девушке, которая, по его мнению, была недостаточно высокой: «Иди постой вон там», — и показал ей на дальний от его столика угол.

На этих тусовках с Дре я часто чувствовала себя неловко, даже сидя рядом с ним в новом шелковом платье и на десятисантиметровых шпильках. Когда в 2011 году Дре впервые разрешил мне ходить с ним на тусовки ради моего исследования, я начала носить винтажную сумку *Chanel* из 1980-х. Сумку эту мне одолжила сестра, которая приобрела ее на *eBay* за двести долларов, и выглядела она, мягко говоря, не очень. Мне пришлось купить кусочки кожи в обувной мастерской и заклеить ими потертые участки, но отваливаться эти заплатки начали почти сразу. Так что сумку я специально держала за спиной, чтобы на стуле была видна только фирменная цепочка из черной кожи и золота; вот такая вот игра в пафос.

Я, кстати, была не единственным игроком: Дре тоже наряжался для элиты, правда, ему это давалось намного проще. Его семья жила в пригороде Парижа и принадлежала к среднему классу. Он был представителем второго поколения рабочих-эмигрантов из Алжира. В какой-то момент, чтобы стать музыкантом, Дре бросил юридический факультет в Париже, а когда и эта идея претерпела неудачу, он начал работать официантом в ресторане. Одно время он даже был бездомным, но вы ни за что бы об этом не догадались, потому что Дре всегда рассказывал про свои связи и предпринимательский потенциал. Дре частенько хвастался своими стартапами, которых у него было то ли пять, то ли шесть штук: его карьера в качестве поп-певца, компания по производству фильмов, брендинг одной техкомпании, реалити-шоу по телику,

которое он разрабатывал, компания по дистрибуции питания «в Африке» (пожалуй, самый пространный из его проектов) и автосервис. Список этот менялся в зависимости от дня недели, неизменным оставался присущий Дре оптимизм. Вот так, например, Дре описывал бизнес-модель своего автосервиса: «Сначала у тебя одна машина. Затем две. Потом десять. Так работают в Америке, детка».

Довольно часто, когда я спрашивала его о планах на день, мне приходило стандартное сообщение: «Я сейчас работаю над огромной сделкой! Пожелай мне удачи... два дня максимум, и все решится! Сделка на миллионы баксов!»

— Я люблю ночную жизнь, — часто повторял он. — Ты никогда не знаешь, чем все это закончится.

Но это все было обычной болтовней, как и многое другое, что связано с Дре.

Скоро он закажет себе эспрессо, он всегда так делает, перед тем как пригласить своих гостей наверх, в ночной клуб.

— Девчонки, что скажете, может, переместимся наверх, на вечеринку?

В ответ на это предложение встала Дженна, безработная блондинка лет двадцати, которая пытается найти свое место в сфере финансов, и, вздыхая, пробормотала себе под нос:

— Пойдемте танцевать, надо отрабатывать еду.

Дженна редко тусуется, она встретила Дре год назад, когда тот случайно заметил на улице симпатичную студентку и остановился, чтобы представиться. У Дженны особо не было друзей, а Дре показался ей интересным персонажем, так что, в конце концов, она стала считать его